

Пути выхода из ценностно-нормативной западни

Об исходных предпосылках решения
национальных и региональных проблем

Эдуард С. Маркарян

доктор философских наук, профессор, руководитель отдела ключевых
стратегических проблем выживания-развития НАН РА

президент Международной Ассоциации
содействия созданию стратегий выживания-развития

Вступительные замечания, касающиеся принципов примата целого по отношению к его частям, а также перехода от реагирования лишь на симптомы социальных кризисов к выявлению и устранению их первопричин

За последнее время мне довелось участвовать в работе нескольких совещаний, посвященных различным аспектам национальных и региональных проблем Южного Кавказа. И я могу с полной определенностью сказать, что при организации и проведении данных совещаний нарушались очень важные общие принципы исследования выносимых на обсуждение проблем.

Один из них общеизвестен для всех тех, кто знаком с системным подходом. Это принцип примата целого по отношению к его частям. Нельзя продуктивно исследовать тот или иной круг вопросов, специально не уясняя общие закономерности функционирования и развития целого, вектор его динамики. В рассматриваемом случае, т. е. при обсуждении, анализе проблем стабильности и безопасности Южного Кавказа, необходимо было на первом же заседании конференции обсудить исходные проблемы глобальной безопасности, критически осмыслить господствующие в мире подходы к решению этой проблематики. Этого не было сделано и я, как исследователь, длительное время занимающийся системными исследованиями, просто считаю своим долгом указать на данный пробел. Правда, следует оговориться, что рассматриваемое пожелание предъявляет ряд дополнительных, отнюдь не простых требований при организации и проведения соответствующих совещаний, но зато их должный учет способен значительно повысить продуктивность работы.

Второй принцип, к которому я хотел бы привлечь внимание, в отличие от первого, не является общепринятым. Более того, он вообще не используется в мировой практике. Между тем, учет данного принципа, касающегося исходных проблем адекватности при подходах к кризисным ситуациям, исключительно важен в сложившейся на планете глобально кризисной ситуации. Суть вопроса состоит в том, что любой социальный кризис является ни чем иным, как патологическим, ненормальным состоянием общественной жизни людей. При этом существуют универсальные способы лечения патологий. Ими являются диагностирование природы нарушений жизненных процессов, выявление и

устранение первопричин данных нарушений. Эти способы хорошо известны, но до сих пор они в своей целостности продолжают ассоциироваться с медициной. Между тем, рассматриваемые способы, имея универсальный характер, тем самым вполне приложимы к различным кризисным ситуациям с целью их изучения и разработки антикризисных программ. **Можно выразить уверенность в том, что лишь благодаря подобному подходу станет в принципе возможным создание общей теории кризисных ситуаций (кризисологии), которая исключительно важна в наличных условиях существования человечества. За последнее десятилетие данная проблема, а также проблема исходной типологизации кризисов, оказалась в центре моего внимания, в связи с чем, мною были предложены определенные принципы решения рассматриваемой проблематики.**

Их обычное игнорирование в данных приоритетнейших сферах деятельности является чрезвычайно существенным пробелом всей области предпринимаемых усилий, которые направляются на обеспечение безопасности, как на национально-региональном, так и на глобальном уровнях. Обычно при подходах к планетарному кризису (как и к другим кризисным ситуациям) в фокусе внимания оказываются уже разбуженные деструктивные и дестабилизирующие эффекты, т. е. его симптомы. Основная же цель состоит в том, чтобы хоть в какой-то степени уменьшить их негативное воздействие на общественную жизнь. Иначе говоря, цель эта, выражаясь медицинским языком, состоит в проведении симптоматического лишь лечения, что, естественно, совершенно недостаточно для преодоления кризисных ситуаций.

Весь этот спектр вопросов, включая выявление основных причин игнорирования обсуждаемой проблематики, я выразил в своей книге "Способность к стратегическому управлению миром", изначально подготовленной на английском языке (Markarian, 1998). В ней изложены принципы и программы Международной ассоциации содействия созданию стратегий выживания и развития (ACBP, ASDS), основанной по моей инициативе в Армении в 1994 г. В отмеченной книге, в частности, изложены мои впечатления о конференции глав государств по среде и развития 1992 г. по среде и развитию в Рио-де-Жанейро, в которой я принял участие как член армянской делегации.

Как известно, через 10 лет после отмеченного саммита в Рио-де-Жанейро, с 25 августа по 4 сентября с. г. в Йоханнесбурге состоится следующий саммит подобного же масштаба, специально посвященный проблемам устойчивого развития человечества. Ознакомившись с распространенными ООН подготовительными материалами, я вновь обнаружил указанный выше пробел, выраженный в отсутствии и в данных материалах круга вопросов, который связан с целями выявления и устранения первопричин современного планетарного кризиса.

Сопоставляя программные установки отмеченных двух саммитов, нетрудно убедиться в еще одном характерном для них существенном пробеле. На мой взгляд, невозможно улучшить ситуацию в мире без специального анализа общей природы современной мировой цивилизации, присущего ей крайне деструктивного типа развития и без разработки комплексного плана соответствующего преобразования данного типа. Полагаю, что это основная проблема, осмыслению и решению которой должны быть подчинены программные установки, как такого рода саммитов, так и других более

специализированных совещаний. Отмечу в данной связи, что готовя свой доклад для указанной конференции в Рио-де-Жанейро, я уже в самом его заглавии стремился выразить такую программную установку. Подготовленный на английском языке, он был назван мною «Воспроизводственная динамика машинно-индустриальной цивилизации и стратегические императивы выживания» (Markarian, 1992).

Не имея возможности подробно останавливаться на круте проблем, которые связаны с характеристикой самого феномена цивилизации и ее обсуждаемого типа, я хочу лишь высказать ряд соображений по ним и сфокусировать внимание на некоторых крайних несоответствиях между современной мировой цивилизацией и реалиями сегодняшнего дня.

Я разделяю позицию, согласно которой цивилизация является общекультурным системным образованием, исторически порожденным такими процессами как возникновение государства, классов, производящего хозяйства, городов, развитых религиозных систем, письменности, элементов собственно научного знания. Для всех локальных типов цивилизации прошлого были характерны индивидуальная комбинация отмеченных черт, набор идентичных элементов, хотя конкретное содержание и характер их выражения могли весьма существенно отличаться. С этой точки зрения, можно считать оправданной позицию О. Шпенглера и А. Тойнби об определенной эволюционной эквивалентности высших культур, цивилизаций с одной, однако, существенной оговоркой. Сказанное не может быть отнесено к тому цивилизационному типу, который сформировался в недрах Западно-Европейской цивилизации в ходе и после первой промышленной революции. На мой взгляд, именно тогда зародились два качественно новых элемента цивилизации – машинная индустрия и практически ориентированная наука.

Взаимное усиливающее воздействие данных элементов друг на друга, а также на другие элементы цивилизации и планетарной экспансии сформировавшегося в результате данных процессов локального цивилизационного типа и привели к выработке современной мировой цивилизации. Мною она была названа машинной (в ряде контекстов я ее называю также машинно-индустриальной цивилизацией). Помимо отмеченного выше доклада, который был подготовлен для саммита в Рио-де-Жанейро, мною характеристика данного типа цивилизации была дана в целом ряде работ (см, Markarian, 1998, 3. 6. – 3. 8.; Маркарян, 2000, часть 4).

В свете сказанного, я хотел бы непосредственно обратиться к проблеме несоответствий, которые характерны для типа современной мировой машинной цивилизации и выделить два из них. Одно из них мною было названо познавательной западной, другое же западной ценностно-нормативной. Особый упор в статье будет сделан на последнем типе несоответствия.

Феномены познавательной и ценностно-нормативной западни

Представляется, что введенное мною понятие научно-образовательной культуры может способствовать лучшему постижению явления, названного познавательной западной. Согласно ему, основания любой научно-

образовательной культуры образуются приоритетами развития науки и образования, способами производства, а также использования научных знаний и специалистов. Можно со всей определенностью сказать, что господствующий в мире монодисциплинарный тип научно-образовательной культуры с присущими ему ярко выраженными естественно-техническими приоритетами, тип в рамках которого наукам о социокультурной действительности отводится роль Золушки, никак не соответствует стратегическим императивам выживания и развития человечества.

Но подобно тому, как Золушка становится принцессой, обобщающие интегративные и гуманистически ориентированные науки об этой действительности призваны, на мой взгляд, приобрести качественно иной, определяющий статус в развитии цивилизации в условиях современного планетарного кризиса. И это естественно, ибо без них диагностирование природы глобальных нарушений хода мирового развития общественной жизни людей, а также выявление и устранение первопричин данных нарушений в принципе невозможно. С этой точки зрения, теоретически дезинтегрированное состояние знаний о социокультурной реальности следует считать Ахиллесовой пятой современной цивилизации.

Выход из наличного крайне тревожного состояния познавательной западни состоит в переходе к научно-образовательному типу культуры, который бы базировался на интегративном взаимодействии общественных, естественных и технических наук. Систематически проведенные мною еще в 70-х гг. исследования по данной проблематике, личный опыт создания целого ряда интегративных социокультурных теорий, а также разработка принципов широко обобщающей теории воспроизводственной динамики живых систем дают основание считать, что подобное взаимодействие вовсе не является несбыточной мечтой (Маркарян, 1977; 2000).

Перейдем теперь к рассмотрению другого вида несоответствия – ценностно-нормативной западни, в которой, я полагаю, оказалось человечество. Для понимания ее характера необходимо, прежде всего, уточнить, что представляет собой на самом деле глобализация и дать ее системную характеристику данного феномена, поскольку по этому вопросу существует страшная неразбериха, путаница мнений и походов.

Отмечу лишь наиболее широко распространенные из них. Чаще всего под глобализацией понимается тенденция к усилению взаимодействия между народами и, с этой зрения, она квалифицируется как явление, имевшее место и в древности. Другие авторы отождествляют ее с соответствующими неоимперскими политическими установками и действиями определенных держав, прежде всего США, по отношению к народам в течение последних десятилетий, которые были ознаменованы процессами стремительных изменений в мире. Хотя подобные мнения и имеют вполне определенные объективные основания, но вряд ли благодаря им возможно должным образом понять явление глобализации.

На мой взгляд, под глобализацией в собственном значении этого слова следует понимать уникальное для истории человечества явление, для которого характерны два главных аспекта проявления. Один из них выражает превращение человечества в единую взаимозависимую глобальную систему, которая образуется особо тесным способом взаимодействия народов планеты. Второй же аспект отражает формирование отмеченной выше мировой

цивилизации. Данную цивилизацию можно охарактеризовать как важнейшее культурное образование современной эпохи, призванное неким общим образом стимулировать, мотивировать, программировать, исполнять деятельность народов, обеспечивать их соответствующими средствами воспроизводства и изменений этой деятельности (сравни Василенко, 2000; Уткин, 2001; The International System, 1993; Pitasi, 2001).

Отмечу, что непосредственно процессам глобализации и их воздействию на развитие народов планеты посвящены две мои последние книги (Markarian, 1998; Маркарян, 2000) и множество статей. Кроме того, учитывая исключительно большое теоретическое и прикладное значение проблемы взаимозависимости глобальных и национальных типов и аспектов развития рассматриваемой цивилизации, я недавно разработал международный проект, посвященный ее многосторонней разработке. Для него характерна определенная призма рассмотрения – в фокусе проекта находятся стратегические императивы выживания развития и пути перехода от культуры войны к культуре мира.

Человечество оказалось явно неподготовленным к указанным, стремительно происходящим процессам. Именно с целью выразить и преодолеть эту неподготовленность, я ввел целую систему понятий, идей, в том числе и понятия познавательной и ценностно-нормативной западни. Последнее понятие как раз и призвано выразить несоответствие между процессами перехода человечества от своего прежнего дисперсного состояния в состояние взаимозависимой системы с общей эволюционной судьбой образующих ее народов, с одной стороны, и имперскими ценностями и нормами, которые все еще очень влиятельны в мире. Причем важно отметить, что отмеченные процессы органически сопряжены с процессами формирования мировой цивилизации.

Будучи целостным проявлением современной мировой культуры, она выполняет отмеченные выше фундаментальные функции культуры, в том числе и той ее специфической сферы, призванной регулировать взаимодействия между народами. Эту сферу целесообразно назвать культурой международных отношений. Воздействие имперской культуры на данную сферу все еще очень значительно, хотя мир уже далеко не тот, каким он был, скажем, в первой половине 20-го века. Успехи, достигнутые на пути демократизации, защиты прав человека (в некоторой степени и народов), а также ряда других проявлений гуманизации культуры, дают определенное основание надеяться на то, что подобный гуманистически ориентированный процесс в развитии цивилизации, пусть с очень большим трудом и отклонениями, будет реально иметь место и в будущем. Но для этого необходимы активные действия всего международного сообщества, направленные на искоренение имперской культуры, ибо в современных условиях существования людей ее ценности и нормы представляют исключительно большую опасность.

Очень важно учесть, что в данных, весьма существенно изменившихся условиях имперская культура в ходе приспособления к ним модифицировалась и приобрела неоимперские формы. Не менее важно учесть, что продолжающееся влияние имперских ценностных установок и норм объясняется не только огромными инерционными силами, аккумулярованными цивилизацией, и прежде всего, ее подсистемой, выраженной в культуре международных отношений. Другая, фундаментальная причина такого влияния состоит в том, что человечеству и по сей день пока не удалось выработать такие

принятые социорегулятивные механизмы кооперации и консолидации народов, которые были бы адекватны рассматриваемой ситуации.

Далее я более подробно останавливаюсь на данной проблеме. Сейчас же мне бы хотелось конкретизировать огромную угрозу, которую несет в себе имперская культура. Имперские способы регуляции взаимоотношений между государствами и народами в силу самой их природы, которая выражена в культе военного и иных видов могущества, в использовании силы или же угрозы ее применения, в обрисованных выше качественно новых условиях эпохи чреватых глобальным военным катаклизмом. И об этом следует постоянно помнить. Поэтому исходной предпосылкой для выхода из анализируемого в статье вида западни должно стать создание основ принципиально нового ценностно-нормативного базиса цивилизации, последовательно ориентированного на все большую гуманизацию культуры человечества.

Суть решения рассматриваемой проблемы состоит в необходимости перевода жизненной энергии народов в качественно новое русло, образуемое усилиями, призванными обеспечить их совместную кооперированную деятельность по предотвращению экологической, военной и иных общих для них смертельных угроз, таких, как например, является международный терроризм. Именно в рамках подобного русла могут быть выработаны механизмы консолидации наций, адекватные формирующемуся глобальному состоянию человечества и, соответственно, принципам новой глобальной этики и международного права.

О путях выработки адекватных эпохе механизмов консолидации народов

Но как это суметь сделать в рамках столь инерционной системы, какой является современный мир, характерные для него проявления цивилизации? Вот уже около 15 лет как этот вопрос находится в фокусе моего внимания. Результатом предпринятого активного поиска явилось выдвижение идеи регионального эколого-ноосферного эксперимента и разработка на ее основе комплексного проекта, известного в литературе как проект РЭНЭ.

По своему характеру он является комплексным стратегическим проектом выживания и развития, в рамках которого, судя по всему, удалось пропорционально выразить национально-региональные и глобальные параметры развития современной цивилизации. В 1986 г. мною была опубликована книга «Региональный эколого-ноосферный эксперимент» (см. Маркарян, 1986), в которой была осуществлена первая попытка систематического изложения идеи и проекта РЭНЭ.

РЭНЭ как раз и разработан как проект, реализация которого и нацелена на решение отмеченной выше задачи перевода жизненной энергии народов на выявление и устранение первопричин современного планетарного кризиса. Исходя прежде всего из этого, делегация.

Армении на отмеченной выше конференцией ООН в Рио-де-Жанейро выдвинула на ней по моему предложению инициативу международной реализации проекта РЭНЭ. К сожалению, однако, в силу ряда причин данная инициатива не имела своего продолжения. Главная же среди них причина, на мой взгляд, состоит в том, что господствующие в мире типы управленческой и

научно-образовательной культур никак не рассчитаны на подобные стратегические проекты выживания и развития (подробнее об этом см. Markarian, 1998, 1.4.7.; Маркарян, 2000, 5.2.4.).

Проблемы, выдвигаемые проектом РЭНЭ настолько фундаментальны, сложны и необычны, что в большинстве случаев люди попросту оказываются не подготовленными не только к решению рассматриваемой проблемы, но даже к ее требуемому масштабному восприятию. Более того, психологически сложилась такая ситуация, что если кто-то решается масштабно обосновать задачу, которую она выдвигает, то его нередко начинают считать прожектером, отвлекающим от реальных конкретных проблем. Усилия по решению таких проблем стали разворачиваться в мире за последние десятилетия. В области экологии, например, к ним относятся борьба за чистоту воздуха, почв, уменьшения вредных производственных и бытовых отходов и множество других подобных задач.

Несомненно, подобного рода задачи очень важны, и требуется дальнейшее наращивание усилий по их решению в соответствующих областях деятельности. Но, одновременно с ними требуются специальные, многоплановые усилия, направленные на решение отмеченной выше сверхзадачи, связанной с выявлением тех исходных звеньев цивилизации, которые изначально оказались ответственны за порожденную цепную реакцию деструктивных и эффектов на планете. Ведь эти звенья не только не исчезли, но в процессах своего воспроизводства продолжают все более и более активно наращивать разрушительное начало современной цивилизации.

В основе идеи и проекта РЭНЭ лежат два следующих предположения. Суть первого состоит в том, что начинать решение рассматриваемой сверхзадачи в принципе оказывается невозможным в обычных условиях существования. Инерционные силы, аккумулированные в традициях современной машинно-индустриальной цивилизации, постоянно воспроизводя данную цивилизацию и характерный для нее тип динамики, расширенно воспроизводят тем самым и присущие ей источники деструкции. Одновременно эти силы отбраковывают все те идеи и проекты, которые ориентированны на радикальное преобразование данного типа развития. В итоге возникает порочный круг.

Для того, чтобы суметь разорвать его, необходимы какие-то принципиально новые нестандартные ходы цивилизации. Я полагаю, что создание сети эколого-ноосферных зон, призванных сформировать благоприятные условия для мобилизации и дальнейшего развития требуемого интегративного потенциала культуры человечества, могло бы стать таким важнейшим ходом. Подобные зоны могли бы стать школами отработки комплексной стратегии и тактики выживания-развития и распространения в мире накапливаемого в них опыта.

Поэтому РЭНЭ предлагается как полирегиональный международный проект. В соответствии с ним, предполагается, что все важнейшие историко-культурные ареалы планеты должны быть представлены ноосферными экспериментальными зонами. Это позволило бы осуществить сопряжение общих эколого-ноосферных принципов с различными локально-исторически выработанными традициями и способами адаптации различных народов к окружающим их природным и социокультурным условиям.

Формирование глобальной этики как исходное условие выхода из ценностно-нормативной западни

Возвращаясь к путям выхода из ценностно-нормативной западни, я особо хотел бы выделить значение нравственного параметра в процессах формирования системы глобального сообщества людей. Как известно, при возникновении человеческого общества и культуры именно зарождение норм нравственности в рамках популяций наших далеких предков сыграло в определенном смысле определяющую роль в процессах преодоления ими эволюционных барьеров, заданных биологическим типом самоорганизации жизни. Соотнося эти процессы самоутверждения социокультурного типа ее самоорганизации с наличными процессами формирования человечества как глобальной системы, можно с уверенностью сказать, что такую же решающую роль для ее утверждения призвана сыграть в наши дни зарождающаяся планетарная нравственность, именуемая обычно глобальной этикой. Качественная особенность ее нравственных норм состоит в том, что они рассчитаны на все человечество, а не отдельные его составляющие, племена и народы, как это было в прошлом.

В свете сказанного, мне хотелось бы обратить внимание на исключительно важный в эволюционном отношении аспект проблемы, который обычно остается в тени происходящих в мире многочисленных дискуссий о глобализации. Я имею в виду формирование качественно новой единицы эволюционного процесса жизни, носящего глобальный уровень. Это действительно уникальное, поистине поразительное эволюционное явление. И дальнейшее развитие мира в этом направлении находится в прямой зависимости от того, состоится зарождение системы планетарной нравственности или нет.

Исходными единицами биологической эволюции являются видовые популяции. А их структурными и функциональными социокультурными эквивалентами в течение всей предыдущей истории человечества выступали народы, этносы или те или иные их объединения (более подробно об этом см. Арутюнов, 1989). Общим для рассматриваемых качественно различных русел эволюционного процесса жизни следует считать образуемую дисперсность данного процесса. Народы и в современную эпоху продолжают выступать в качестве исходных единиц социокультурной эволюции, но особо тесный тип из взаимодействия, регулируемый мировой цивилизацией, как раз и обусловил собой формирование также и наднациональной глобальной единицы этой эволюции.

Полагаю, что исходной предпосылкой для формирования глобальной этики должно стать максимальное развитие чувства эмпатии, связанное со способностью людей должным образом взаимно сопереживать боль и страдания других индивидов и народов, их психических возможностей ставить себя на место других. Чтобы сделать данную проблему более ощутимой, приведу конкретный пример. В последнее время в мире в очередной раз разгорелась дискуссия, связанная с признанием геноцида армян 1915-1923 гг. в Турции. Как известно, еще до этого Европарламентом, парламентами ряда стран факт геноцида был признан. Во Франции же такое признание было выражено в форме специального закона (он вступил в силу 31 января 2000 г). Проблема геноцида армян была обсуждена в системе ООН и ряде других международных структур. По-видимому, совершенно не случайно, что новый всплеск интереса к нему возник на этапе перехода человечества в новое столетие и

сопровождается целой серией признания данного геноцида в ряде стран, несмотря на шантаж руководства Турции. (Правда, в некоторых случаях подобный шантаж достигает цели, как это имело место в США, когда на завершающем этапе процедуры, после принятия позитивного решения по предмету обсуждения в Комитете по международным отношениям Конгресса, данная процедура была приостановлена в результате активных действий, предпринятых президентом Биллом Клинтон).

Сегодня же, учитывая крайне негативный опыт откровенной политики замалчивания в мире геноцида армян, тон которой на международном уровне был задан решениями Лозаннской мирной конференции (1922-23), совершенно необходима бескомпромиссная позиция международного сообщества по данному вопросу. А это в качестве своего исходного условия в рассматриваемом случае требует признания самого факта геноцида всем международным сообществом, безотносительно к реакции руководства страны, в которой был совершен геноцид.

Обычно в прессе данный процесс признания интерпретируется в мире как результат лоббирования со стороны соответствующих кругов армянской диаспоры и некоторых других заинтересованных сторон. Подобная интерпретация представляется весьма и весьма односторонней. Этот процесс объясняется, в первую очередь, двумя факторами. Во-первых, масштабом преступления. Во-вторых, нравственными потенциями человечества. Несмотря на все несовершенство нравственной культуры планетарного уровня, данные потенции все же, судя по всему, значительны. В противном случае вряд ли можно было бы надеяться на формирование глобальной этики, способной лечь в основу аксиологического базиса современной мировой цивилизации.

Мир уже не тот, каким он был в начале 20-го века, когда, в частности, были заключены чудовищно несправедливые Московский и Карский русско-турецкие договоры 1921 г., положения которых были вскоре признаны решениями Лозаннской мирной конференции. Данные положения и решения я в одной из своих последних публикаций квалифицировал как прецедент международно-правового поощрения геноцидогенного типа поведения (Markarian, 1998, 3.9.1.). И действительно, ведь против Турции не только не были применены какие-либо санкции, но согласно рассматриваемым решениям, она без каких-либо условий получила в законное владение обширные исторические армянские территории, где было уничтожено около полутора миллиона армян, а оставшееся в живых армянское население было жесточайшим образом депортировано. Более того, Турции были переданы армянские земли, которые прежде никогда не входили в состав Османской империи, в том числе библейская гора Арарат. Кроме того, в соответствии с обсуждаемыми Русско-Турецкими договорами, по настоянию Турции в качестве автономной территории были отделены от Армении и переданы под государственный протекторат Советского Азербайджана Нахичеванский уезд и ряд других территорий. Позже, в 1923 г. по инициативе Сталина, Азербайджану была передана также и другая исконная территория Армении – Нагорно-Карабахская область. В результате таких действий в Азербайджане была создана мини-империя. И все это имело место в период, когда геноцид против армян еще продолжался, вступив в завершающую фазу (1918-23), уже не только в самой Турции, но и в Закавказье, в том числе на территории Нагорного Карабаха.

Не может не поражать позиция тех политиков, государственных деятелей, дипломатов, которые считают, что вовсе не дело парламентов и других государственных институтов, международных организаций заниматься подобными, имевшими место в прошлом, событиями. С их точки зрения, ими должны заниматься армянские и турецкие историки.

Несомненно, и историки должны заниматься рассматриваемой проблемой, но отнюдь не для того, чтобы вновь удостовериться в том, что рассматриваемое преступление имело место. Фактов, убедительно доказывающих это, предостаточно. Османская империя исторически сложилась как прекрасно отлаженная машина завоевания народов, их подавления. Рассматривая ее с данной точки зрения, Арнольд Тойнби отнес ее к числу цивилизацией, “остановившихся в своем развитии” (arrested civilizations). Усилия руководства Турции, как в прошлом, так и сегодня, в частности, применительно к Армянскому вопросу, ориентированны не только на то, чтобы скрыть рассматриваемое преступление от собственного народа и мировой общественности, но и дискредитировать армянскую нацию. Эти целевые установки возведены на уровень приоритетов государственной политики. Огромные суммы продолжают тратиться для достижения отмеченных целей посредством прямого, а также опосредованного подкупа представителей средств массовой информации, научных учреждений, международной и национальной бюрократии самых различных стран. Причем арсенал средств, используемых ею для достижения отмеченных целей, в том числе для создания нового имиджа нации, весьма широк. В своей книге 1998 г. я, в частности, привожу данные, содержащиеся в публикации Анны Поляковой. Они касаются того, как Турция стремится с этой целью использовать ЮНЕСКО (см. Полякова, 1997).

Дискуссия, вызванная возрождением в мире интересом к геноциду армянского народа, убедительно показала, что ее участники обычно не видят (или не хотят видеть) должных принципов решения данной проблемы. Между тем, исходный принцип достаточно прост и универсален. Это принцип наказуемости совершаемых преступлений. Если преступление не наказывается, а тем более, если по отношению к нему предпринимаются действия, фактически означающие поощрение преступного акта, то они неизбежно приводят к нарастающим волнам аналогичных преступлений. Важно при этом помнить, что иск давности неприменим к преступлениям подобного рода.

Негативные последствия описанного выше прецедента международно-правового поощрения действий, направленных на уничтожение целого народа, предание на долгое время забвению данного преступления, оказались исключительно велики. Данный прецедент сыграл роль мощного детонатора, породившего в мире цепную реакцию подобных типов преступлений. Иначе говоря, подобный прецедент привел к созданию вполне определенного обширного социокультурного поля, несущего мощный заряд мотивации геноцидогенно ориентированной политической активности. Исходя же из самой логики этого прецедента, потенциальные преступники могли не бояться наказания за совершение аналогичных действий. В этом как раз и состоит суть вопроса. Не случайно, Гитлер, во время своего обращения к представителям командования немецкой армии перед ее вторжением в Польшу, желая развязать им руки, вопрошал: «Кто сегодня помнит об истреблении армян?»

Сказанное выше дает мне основание утверждать, что прецедент рассматриваемого поощрения занял после первой мировой войны свое

устойчивое место в стимулирующей и мотивирующей подсистеме культуры международных отношений, стал одним из ее звеньев и механизмов. Позиция Турции и проблемы, с которыми она столкнулась в связи с геноцидом армян в условиях, сложившихся после второй мировой войны удачно показано американским исследователем Роджером Смитом, некоторые мысли которого я привожу в своей книге (Markarian, 1998, 141-142). Тем же , кто предлагают решать проблемы, порожденные действиями, направленными на уничтожение целого народа на уровне встреч армянских и турецких историков, вновь напомню, что в мире уже отработан способ нормализации отношений между народом, подвергнутым геноциду, и народом, его осуществившим.

Первый шаг в этом направлении должен выразиться в искреннем покаянии и извинениях последнего за содеянные преступления. Как известно, подобные извинения за массовые истребления евреев с целью их уничтожения как народа, после прихода фашизма к власти в Германии, были принесены от имени немецкой нации Конрадом Аденауэром. И такое покаяние ознаменовало собой начало процесса качественных изменений отношений между этими двумя народами. Покаяние явилось также средством очень серьезных внутренних духовных преобразований в рамках немецкой нации, ее очищения от серьезнейших преступлений против многих других народов, совершенных фашистским режимом во время второй мировой войны.

По этой схеме и могла бы быть отработана общая модель, которая должна быть использована и для нормализации взаимоотношений между армянским народом, с одной стороны, турецким и азербайджанским народами, с другой (а также другими народами, отношения между которыми весьма значительно омрачены в результате совершения актов геноцида). Использование обсуждаемой модели как раз и позволило бы, помимо всего прочего, проложить один из главных путей преодоления имперских ценностей и амбиций.

Насколько они сильны в Азербайджане, можно сегодня проследить по реакции его основных политических сил на проекты урегулирования Карабахского конфликта. Суть вопроса состоит в том, что политическими силами Азербайджана обычно сразу же отбраковываются все те предложения и проекты, которые не предполагают включение Нагорно-Карабахской республики в территориальную структуру Азербайджана и тем самым не ведут к ее прямому подчинению политической власти данной страны. Принятие же подобного решения в реально исторически сложившегося противостояния и вражды могло бы привести к крайне негативным последствиям.

Есть вещи, о которых сегодня следует говорить прямо, без обиняков. Рецидивы геноцида армян в Сумгаите в 1988, Баку в 1990 и ряде других мест республики, весьма убедительно свидетельствуют о том, что Азербайджан можно охарактеризовать как геноцидогенную страну. Факты упрямая вещь, от них никуда не денешься, как бы ни старались некоторые весьма именитые деятели предать их забвению, преследуя какие-то конкретные политические, экономические и иные интересы в регионе. Следует помнить, что подлинный мир можно будет установить только в том случае, если удастся разорвать порочный геноцидогенный круг. Главный же порок предлагаемого руководством Азербайджана имперского варианта урегулирования конфликта в том и состоит, что он изначально чреват этим исходом. В лучшем случае, при его принятии, Нагорный Карабах разделит участь Нахичевана, уже давно очищенного от армян.

Стратегически наиболее дальновидным решением может стать принятие такой модели урегулирования, которая бы устраивала население Нагорно-Карабахской республики. Лишь в этом случае она способна была бы стать исходным фактором стабильности в регионе, способствующим сотрудничеству Азербайджана и Армении, нахождению путей создания кооперативных связей между ними для решения и предотвращения общих проблем и угроз. Определенные же предпосылки для этого уже имеются, достаточно напомнить о проекте РЭНЭ. Думается, что подобного типа решения как раз и могли бы способствовать нахождению путей выхода из ценностно-нормативной западни в регионе.

И последнее замечание. Высказываемые в ряде моих работах критические замечания в адрес политики Турции и Азербайджана преследуют определенную, специфическую цель. Делая соответствующие, связанные с этими замечаниями выводы, я предлагаю коллегам, представляющим данные страны, попытаться занять объективную позицию. Такая позиция предполагает, прежде всего, способность мобилизовать свои эмпатические возможности и поставить себя и свои народы на место другого народа, в данном случае - армян по всему набору отмеченных в статье исторических ситуации и событий. Свое видение рассматриваемых ситуаций мною достаточно систематически описано и проанализировано (Markarian, 1998, 3.9.).

Я постоянно в разных проекциях, возвращаюсь к данному прецеденту, ибо комплексное его осмысление исключительно важно, как для перспектив развития международного права, так и формирующейся глобальной нравственности. Для того, чтобы подтвердить это, я, продолжая логически развивать высказанные выше соображения, попытаюсь предложить идею, которая может существенно способствовать решению Карабахской проблемы. Рассматриваемый конфликт относится к числу тех кризисных ситуаций, которые вряд ли возможно разрешить принятыми в мире шаблонными средствами.

Для того, разрубить Карабахский узел, необходимы нестандартные, качественно новые средства, одно из которых я хотел бы предложить вниманию читателя. Причем, исходная установка, которая предполагается моей позицией, состоит в том, чтобы рассмотреть Карабахский конфликт не как изолированное региональное явление, а как звено общего социокультурного кризисного поля образованного геноцидом армян в Турции и его относительно недавними рецидивами в Сумгаите, Баку, Кировабаде. Для этого руководству Азербайджану, необходимо признать, во-первых, отмеченные выше объективные факты и события; во-вторых, то, какое крайне негативное воздействие оказали трагические события в Сумгаите на взаимоотношения между двумя народами, по сути дела, они и стали одной из исходных причин общего межэтнического конфликта. Это признание данных фактов руководством Азербайджана создало бы качественно новую психологическую атмосферу для всего переговорного процесса, создало бы совершенно новые возможности для его преодоления.

Подобный подход, базирующийся на принципе причинно-следственных отношений, потенциально способен вызвать цепную реакцию эффектов, но уже не деструктивных и дестабилизирующих, а позитивных и миротворческих.

К сожалению, возможности эмпатии обычно не используется в миротворческой практике. Между тем, несмотря на кажущуюся простоту, они имеют

исключительно большую значимость, во всяком случае, для всех тех, кто потенциально способен должным образом сопереживать. Благодаря взаимному использованию эмпатического потенциала, может быть создана одна из важнейших нравственно-психологических предпосылок для сотрудничества даже традиционно крайне враждебно относящихся друг к другу народов. Так мне видится выход из ценностно-нормативной западни, в данном случае в регионе Южного Кавказа.

Одна из важнейших предпосылок, которые необходимы для реализации предложенного подхода, состоит в решительном отказе от практики лжи и фальсификации исторических событий, относящихся к самым различным периодам, включая современность, столь принятой в мировой практике. Я уже выше затронул эту проблему на примере Турции и Азербайджана, в политике которых данная практика находит выражение в особенно откровенной форме. Отказ признать геноцид армян начала 20-го века в Турции и отмеченных выше относительно недавних его рецидивов в Азербайджане можно считать концентрированным выражением этой практики.

По отношению к индивидам, которые постоянно лгут, в любом обществе вырабатывается сугубо негативная установка. Одним словом, лгать в повседневной жизни считается неприличным. Но почему положение дел в международной политической жизни в этом отношении является качественно иным? Этот вопрос, на мой взгляд, заслуживает самого пристального внимания международного сообщества. Главная задача состоит в том, чтобы те, кто распространяют лживую информацию, несли ответственность за это. Активные усилия, направленные на ее решение значительно способствовали бы формированию глобальной нравственности.

Использованная литература

- Арутюнов, С. А. 1989. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. Москва.
- Василенко, И. А. 2000. Политическая глобалистика. Учебное пособие. Москва
- Маркарян, Э. С. 1986. Региональный эколого-ноосферный эксперимент. Доклад Научному совету по проблемам биосферы АН СССР. Ереван.
- Маркарян, Э. С. 2000. Науки о культуре и императивы эпохи. К обоснованию ключевой роли знаний о способе социокультурного типа самоорганизации жизни в условиях современного планетарного кризиса. Москва.
- Полякова, А. 1997. Будут ли раскрыты архивные материалы? – Независимая газета. 20 августа.
- Уткин, А. И. 2001. Глобализация: процесс и осмысление. Москва.
- The International System after the Collapse of the East-West Order. Ed. by Clesse, A., Cooper, R., Sakamoto, Y. 1993. London: Martinus Nijhoff Publishers.
- Markarian, E. S. 1992. Reproduction Dynamics of Machine Industrial Civilization and Strategic Survival Imperatives. Special Issue. The UN Conference on Environment and Development (Rio de Janeiro, 13-14 June, 1992). Yerevan.

Markarian, E. S. 1998. Capacity for World Strategic Management. the Forthcoming Reform of the UN System through the Prism of Evolutionary Survival Imperatives. Yerevan.

Pitasi, A. 2001. The Communication Strategies of the Globalized Individual. – World Futures. The Journal of General Evolution. Vol. 57 No. 6.

Заявление

Опубликованные мнения принадлежат авторам и не являются официальной точкой зрения Министерства обороны Великобритании.